

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 821.161.1.09"19"

DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-28-670-683

Государство, власть, народ и человек в романе А.Ф. Писемского «Люди сороковых годов»

Валерия Геннадьевна АНДРЕЕВА^{1,2}

¹Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук
121069, Российская Федерация, г. Москва, ул. Поварская, 25а

²ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет»
156007, Российская Федерация, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17

✉ lanfra87@mail.ru

Аннотация. Проанализирована эпическая широта романа А.Ф. Писемского «Люди сороковых годов», вневременная актуальность размышлений писателя по поводу возможности гармоничного соотношения личной жизни человека и его деятельности на благо страны. Отмечено, что по сравнению с другими произведениями Писемского указанный роман, повествующий о жизни обыкновенного человека, содержит духовную вертикаль, взгляд с позиции вечности, которые придают ему просветленность и эпическую монументальность. Метафизическая линия связи многих явлений и событий расширяет пространство романа. Писемский, позиционирующий себя как максимально правдивый писатель, подравнивает примеры действительности под желаемые образцы, уходит от присущего ему пессимизма, представляя нескольких образцовых героев и если не идеал, то возможный наилучший для России тип государственного и общественного устройства страны. Проанализировано влияние на Писемского концепции журнала «Заря», выдвинуто предположение, что писателю для создания эпического романа с линией утверждения требовалась своеобразная моральная и духовная поддержка славянофилов. Вслед за видными публицистами, юристами и социологами (В.Я. Данилевским, А.Д. Градовским), публиковавшими свои статьи в журнале «Заря», герой Писемского обращается к модели «всесословно-общественного» государства, основанного на народности. Особое внимание в романе уделяется автором мотиву власти над людьми, которая ставит человека в сложные и противоестественные для него условия.

Ключевые слова: Писемский А.Ф., Кашпирев В.В., эпический роман, славянофилы, государственность, хоровое государство, народность, власть, чиновники, журнал «Заря»

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00102.

Для цитирования: Андреева В.Г. Государство, власть, народ и человек в романе А.Ф. Писемского «Люди сороковых годов» // Неофилология. 2021. Т. 7, № 28. С. 670-683. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-670-683>

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

State, power, people and people in the novel by A.F. Pisemsky “Men of the Forties”

Valeria G. ANDREEVA^{1,2}

¹A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
25a Povarskaya St., Moscow 121069, Russian Federation

²Kostroma State University
17 Dzerzhinskogo St., Kostroma 156007, Russian Federation
✉ lanfra87@mail.ru

Abstract. We analyze the epic breadth of A.F. Pisemsky “Men of the Forties”, the timeless relevance of writer’s reflections on the possibility of a harmonious relationship between a person’s personal life and his activities for the good of country. We note that, in comparison with other works by Pisemsky, this novel, which tells about life of an ordinary person, contains a spiritual vertical, a view from the position of eternity, which gives it enlightenment and epic monumentality. The metaphysical line of communication between many phenomena and events expands the space of novel. Pisemsky, who positions himself as the most truthful writer, matches the examples of reality to the desired models, moves away from his inherent pessimism, presenting several exemplary heroes and, if not an ideal, then the possible type of state and social structure of the country that is best for Russia. We analyze the influence of the “Dawn” magazine on the Pisemsky concept, we suggest that the writer needed a kind of moral and spiritual support of the Slavophiles to create an epic novel with a line of approval. Following the prominent publicists, lawyers and sociologists (V.Y. Danilevsky, A.D. Gradovsky) who published their articles in the “Dawn” magazine, Pisemsky’s hero turns to the model of a “all-estates-social” state based on nationality. Special attention in the novel is paid by the author to the motive of power over people, which puts a person in difficult and unnatural conditions for him.

Keywords: Pisemsky A.F., Kashpиров V.V., epic novel, Slavophiles, statehood, choral state, nationality, power, officials, “Dawn” magazine

Acknowledgements: The research is funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 20-012-00102.

For citation: Andreeva V.G. Gosudarstvo, vlast’, narod i chelovek v romane A.F. Pisemskogo «Lyudi sorokovykh godov» [State, power, people and people in the novel by A.F. Pisemsky “Men of the Forties”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 28, pp. 670-683. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-670-683> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Роман А.Ф. Писемского «Люди сороковых годов», впервые появившийся в только что открытом журнале В.В. Кашпирева «Заря» в 1869 г. (№ 1–9), до сих пор остаётся непонятым в литературоведении, что связано, на наш взгляд, с пристрастностью большинства оценок, отсутствием целостного взгляда на произведение с учётом замысла автора и возможного его изменения, осмысления идей Писемского на фоне эпохи.

В данной статье мы постараемся показать эпическую широту романа Писемского,

вневременную актуальность вопросов, поднятых писателем, осветить его размышления по поводу возможности гармоничного соотношения личной жизни человека и его деятельности на благо страны, государственной службы, оценить возможное воздействие славянофильской редакции журнала «Заря» на Писемского в процессе создания произведения.

Объёмный роман «Люди сороковых годов» повествует о многом: о судьбе целого поколения, о силе и слабости человека, о-

тавленного в круговороте общественной борьбы, о смысле жизни и любви как настоящей движущей силе, о судьбе личности и возможности её изменения. Путь героя в романе соотносится с историей всей страны и народа. Писемский отчасти следовал за А.И. Герценом, показывая проекцию русской действительности на жизнь автобиографического героя, поднимая проблему возможности человека, гражданина влиять на ход событий в обществе и государстве. Но это следование Писемского касалось только метода и постановки вопросов, но, отнюдь не их решения. Наоборот, Писемский возражает западничеству Герцена, представляя фигуру «большого вольнодумца, насмешника и даже богоотступника», человека, живущего замкнуто и чуждого своему народу – Александра Ивановича Коптина, в котором угадывается своеобразная пародия на Герцена [1, т. 4, с. 207]. В отличие от Герцена, всей своей жизнью выражавшего протест официальной власти и по сути дела вступившего в неравную борьбу с нею, потерпевшего личную драму, о которой он рассказывает в «Былом и думах», Писемский не наделил своего автобиографического героя духом противоречия: Павел Вихров не ищет спора с чиновниками и властями, но, попадая в центр этой системы, он вынужден в ней пребывать.

О замысле, созвучном итоговому роману «Люди сороковых годов», Писемский сообщал А.А. Краевскому в письме ещё от 17 августа 1851 г.: «Помещать в вашем журнале я по преимуществу желаю: с будущего же месяца я начну писать для вас, но только буду высылать к вам по частям, на целое не хватит смелости: сюжетом, думаю, выбрать: Автобиографию обыкновенного человека: начну с рождения и буду следить за постепенным развитием человека. <...> Предполагаемый мною сюжет глубоко задушевен для меня, будет он неудобен, возвратите мне его так, не представляя даже в цензуру» [2, с. 42]. Краевский отклонил представление материалов писателем, однако замысел романа был сохранен. Таким образом, автобиографическая канва романа и ряд важных вех в жизни героя были задуманы Писемским ещё в начале 1850-х гг. В итоговом тексте произведения действие начинается в начале 1830-х гг., а завершается примерно в 1856 или 1857 г.

Написанный в конце 1860-х гг., а опубликованный в 1869 г. роман включил многие проблемы пореформенного времени, искусно воплощённые Писемским в тексте, но художественный мир романа наполнен и личными, автобиографическими впечатлениями писателя, взятыми из детства и юности, а также времени службы Писемского секретарём Совестьного комитета в Костроме: «Анализ параллелей между романом «Люди сороковых годов», личностью самого писателя, а также фактами его творческой и служебной деятельности убедительно свидетельствует, что Писемский, опираясь на события собственной жизни, отражает в произведении мир действительности в интересующем его ракурсе, вкладывая в уста героя идеи, мысли и суждения, близкие ему самому» [3, с. 1113].

Роман «Люди сороковых годов» исследователи справедливо сравнивают с предыдущим произведением автора – романом «Взбаламученное море» (1863). Общий фон и построение произведений похожи: в обоих романах писатель повествует примерно о двух десятках лет жизни своих героев – Александра Бакланова и Павла Вихрова. Но вышеуказанные герои – разные люди с диаметрально противоположными ценностями и взглядами. «Написанный поистине с эпическим размахом, «Взбаламученное море» – во многом роман обличительный, констатирующий неспособность к решительным и серьёзным действиям и свершениям человека «сороковых годов». По мере продвижения по жизни главного героя, встреч его с разными людьми, автор изображает всё новые и новые стороны общественной жизни страны» [4, с. 121]. В романе «Люди сороковых годов» помимо линии отрицания и обличения беспредела, происходящего в стране, ярко видна и жизнеутверждающая основа пути главного героя, не разрывающего связи с народом.

Писемский заставил Павла Вихрова пережить не только многие сложности, выпавшие на его собственную долю, но и невзгоды и тяготы современных ему образованных людей, вступавших в неравную борьбу отнюдь не с государством и режимом, а с окружающими несправедливостями, с системой обмана и притворства, выстраиваемой чиновниками на местах. В борьбе Вихрова,

которому не раз достаётся за правду, есть внутренний глубокий смысл, часто упускаемый критиками и исследователями. Несмотря на то, что в романе, наполненном героями и событиями, преимущественно показана земная, обыкновенная жизнь простого грешного человека, не так уж много размышляющего о душе, в художественном мире произведения наряду с подробно описанным движением Вихрова выстраивается и духовная вертикаль. Она скрыта за внешними событиями, слабо обрисована, но именно *взгляд с позиции вечности* придаёт роману не просто пестроту, но и просветлённость, и эпическую монументальность.

Ещё П.В. Анненков отметил, что роман «Люди сороковых годов» выделяется общим если не позитивным, но хотя бы не негативным, не критическим тоном на фоне почти всех произведений Писемского: «Петербургская неудача наложила печать на весь строй его мыслей, на добрую часть всей последующей его деятельности. С неё именно начинается то памфлетическое направление, которое принял Писемский в позднейших своих произведениях. Оно составило господствующую ноту его творчества, за исключением, впрочем, двух произведений: романа «Люди сороковых годов» (1869) и другого, предсмертного, так сказать, романа «Масоны» (1880), которые от него совершенно свободны благодаря близкому личному знакомству автора с живыми типами, в них изображёнными» [5].

Читатель, сравнивающий «Людей сороковых годов» с романами «Взбаламученное море», «В водовороте», «Мещане», сразу чувствует разницу: последние в целом передают «пессимистическое восприятие автором русской действительности. Писемский показывает фрагментарность, отрывочность жизни, теряющей быстрыми темпами свой смысл» [6, с. 139]. Хотя в указанных трёх романах Писемский избегает резко отрицательных характеристик героев, он изображает процесс деградации и духовно-нравственного оскудения дворян, русского человека в целом. Но его Павел Вихров не деградирует, он хоть и позиционировался самим автором как обыкновенный человек, однако среди огромного количества героев романа он *один из лучших людей*. Не случайно Юлия Заха-

ревская – девушка, любовь которой Вихров отверг, говорит: «Я сегодня убедилась, что у Вас прекрасное сердце» [1, т. 5, с. 377].

Некоторую особенность взгляда писателя на жизнь и литературу, её предназначение (хотя этот взгляд, конечно, менялся), можно отметить в ранней статье Писемского 1855 г. «Сочинения Н.В. Гоголя, найденные после его смерти. Похождения Чичикова, или «Мёртвые души». Часть вторая». В ней Писемский не просто рассуждает о творчестве Гоголя и его поисках идеала, но пытается обозначить *своё место в литературном процессе*, отчасти определяет себя как продолжателя принципов Гоголя. Вместе с тем Писемский считает, что Гоголь удалился от жизненной правды, что «идеал Гоголя был слишком высок; воплотить его всецельно было... делом неисполнимой задачи для искусства» [7]. Эпическое искусство, по мнению Писемского, невозможно без чёткого и строгого следования правде, и в наиболее глубоком отражении истинного положения дел в действительности, по его мнению, и заключается задача большого художника.

Оценивая фигуры второго тома «Мёртвых душ», Писемский говорит о стремлении Гоголя «представить несметное богатство русского духа, представить мужа, одарённого божественными доблестями, и чудную русскую деву, какой не сыскать нигде в мире, со всею дивною красотой женской души, всю составленную из великодушного стремления и самоотвержения» [7]. Отмечая величину задачи и добросовестность писателя, который решил за неё взяться, Писемский называет этот приём искусственным. Он видит в Гоголе художника-критика, считает, что большой писатель не может обойти изображения несовершенств и пороков, а поэтому представить идеальные картины бытия и идеальных людей, которых в жизни просто не бывает. «Отказав «высшему» (идеальному) человеку Гоголя в эстетической ценности, сам Писемский пытался воплотить человека «обыкновенного», – отмечает Л.Н. Синякова [8, с. 48]. Сравнивая видение личности Гоголем и Писемским, исследовательница отмечает, что «Писемский, как и Гоголь, видит в человеке «низкое» – но Гоголь преодолевает это видение постулированием человека идеального. Мировосприятие Писем-

ского исключает идеализирующее прогнозирование: «пошлое» сопутствует человеку на протяжении всей его жизни и индуцировано «средой», а «низкое» присуще человеческой природе как таковой. ...Гоголь тоже любит-ся чрезмерностью жизненной стихии в своих персонажах, но постоянно помнит о «душе и прочном деле жизни» как родовом качестве человека» [8, с. 49].

Между тем именно в романе об обыкновенном человеке Павле Вихрове Писемский по сравнению со своими остальными произведениями всё-таки приблизился к Н.В. Гоголю. Идеальных людей в романе нет, но на фоне предателей и приспособленцев есть герои честные, есть «подравненный» реальностью пример большой и искренней любви Вихрова к Мари, беззаветной и искренней любви горничной Груши к Вихрову, наконец, есть сознательно изменённый автором образ службы Вихрова.

Выстраивается в художественном мире произведения и особая глубинная, метафизическая линия связи многих явлений и событий. Её обнаружение расширяет пространство эпического романа, позволяет увидеть не просто обыденную реальность и быт, но основополагающие законы жизни. В романе с первых же строк соотносится и разделяется временное и вечное: «...Всё, что было делом рук человеческих, в настоящее время или полуразрушилось, или совершенно было уничтожено, и один только созданный Богом вид на подгородное озеро, на самый городок, на идущие по другую сторону озера луга... оставался по-прежнему прелестен» [1, т. 4, с. 3].

В первый же приезд домой полковника Вихрова читатель видит его становящимся на молитву: «...Он каждый день, с восьми часов до десяти утра и с восьми часов до десяти часов вечера, молился, стоя, по обыкновению, в зале навтыжку перед образом» [1, т. 4, с. 10]. Писемский обозначает глубинные причины страданий и непростой жизни своего героя. Павлу придётся отвечать ещё и за отца, не только потому, что грех смерти замученного наказаниями солдата ещё не оплачен старым полковником.

Обрывочные сведения, которые мы узнаём в романе о матери Павла, умершей, когда мальчик был ещё маленьким, также важны для понимания судьбы героя. Однако

сначала необходимо ещё истолковать слова не глубокого в вере полковника Вихрова, который говорит о жене: «Весь он у меня, братец, в мать пошёл: умная ведь она у меня была, но тоже этакая пречувствительная и претревожная!.. Вот он тоже маленьким болел сделался; вдруг вздумала: «Ай, батюшка, чтобы спасти сына от смерти, пойду сама в Геннадьев монастырь пешком!..» Сходила, надорвалась, да и жизнь кончила, так разве Бог-то требует того?!» [1, т. 4, с. 139]. Полковник не осознаёт подвига супруги: Вихров, как догадывается читатель, оказывается ещё и вымоленным у Бога ребёнком. Не случайно через несколько страниц после этих сведений один из судьбоносных героев в судьбе Вихрова, мужик Макар Григорьев, замечает о матери Павла: «...Она была барыня настоящая, христианка...» [1, т. 4, с. 145].

Есть и ещё знаковые события и оценки, которые заставляют обратить внимание на глубинные смыслы изображённой Писемским жизни. Так, Анна Гавриловна, слыша о недобросовестном и халатном ведении хозяйства Абреевой, отмечает: «Неужели эти-кие баря греха-то не боятся: ведь за это с них Бог спросит!» [1, т. 4, с. 34]. Ещё один значимый факт. Павел переселяется на квартиру к верующему учителю латинского языка Крестовникову, под влиянием которого начинает говеть не просто «для формы», как он собирался это делать, а искренне и с чувством. Пережитый религиозный подъём делает Павла иным человеком. В этой же череде событий нужно упомянуть и встречу Павла с верующим художником, расписывавшим у него иконы – человеком, угодным Богу, поездку Вихрова к скептику и атеисту Коптину, который навлекает на гостя наказание: «Я докажу вам, милостивый государь, и сегодня же докажу, какой я француз, – кричал Коптин и вслед за тем подбежал к иконе, ударил себя в грудь и воскликнул: «Царица Небесная! Накажи вот этого господина за то, что он меня нерусским называет!» [1, т. 5, с. 122]. Две поездки Вихрова к Коптину и две встречи его с вредной становой, также прокли-нающей героя: «За это тебе бог самому счастья-то не даст в жизни» [1, т. 5, с. 421], становятся прецедентными событиями в художественном мире романа.

В романе явлен если не идеал, то возможный наилучший для России, по мнению автора, образец государственного и общественного устройства страны, правда, данный в теории, как план, абстракция, но учитывающий православное мировоззрение русского народа и всю его историю. К этому приблизительно формулируемому образцу лучшего государственного устройства, находящему примеры в истории России, не раз возвращается Вихров, со стороны называемый славянофилом: ««И вот ваше мнение, которое вы сейчас высказали, показывает, что вы славянофил», – продолжал молодой человек. «Может быть, и славянофил!» – отвечал ему Вихров» [1, т. 5, с. 417].

Роман «Люди сороковых годов» Писемский отдал в журнал «Заря», основанный его земляком, В.В. Кашпиревым, также родившимся в Костромской губернии и потратившим на издание журнала всё своё состояние. Множества предложений о публикации у Писемского не было, роман находился ещё в работе, а Кашпиреву необходимы были материалы для издания, поэтому сотрудничество казалось на первый взгляд взаимовыгодным. 12 июля 1868 г. Писемский писал Б.Н. Алмазову: «Кашпирев сам приехал в Москву и сегодня, сиречь, в Пятницу будет у меня вечером, но то горе, что я ему буду читать начало моего романа» [2, с. 231].

На первых порах ожидаемый публикой и по мере публикации получавший одобрение редакции «Зари» роман «Люди сороковых годов» через некоторое время был низведён до уровня неудачного беллетристического произведения. Публикация его в славянофильском журнале настроила против Писемского весь демократический лагерь. Журнал «Дело» до выхода «Зари» и при появлении первых номеров обвинил издание в поклонении монархии. Разгромная статья Н.В. Шелгунова «Люди сороковых и шестидесятых годов» появилась в «Деле» в № 9–12. Шелгунов начинает её с общего образа похорон писателей, воспитанных эстетической критикой, а теперь заживо погребённых. К таким писателям он относит Гончарова, а за ним и Писемского, фактически лишая последнего какого-либо таланта, называя его роман «Люди сороковых годов» «решительно патологическим продуктом авторского самолю-

бия» [9]. Шелгунов высмеивает и обвиняет Писемского, отказывая ему в литературном таланте и понимании жизни. Оставляя в стороне все резкие и субъективные замечания Шелгунова, обратимся лишь к одному его выводу, согласно которому Писемский не вполне раскрыл в своём романе общие мировоззренческие основы людей сороковых годов. Действительно, сущность человека сороковых годов прекрасно показал ранее Тургенев в романе «Рудин» (1855). И не случайно исследователи романа отмечают, что Павел Вихров не встраивается в парадигму людей сороковых годов в том смысле, в каком это наименование бытовало ранее: «Думается, что этот герой А.Ф. Писемского представляет собой вариацию на тему «человека сороковых годов»» [10, с. 55]. Действительно, хотя Вихров выбирает путь учёного (а не службу или военную карьеру), хотя он и начинает писать художественные произведения от обилия времени, он не пассивный демагог, как Рудин в одноимённом романе И.С. Тургенева, он не избегает общения ни со студентами-ровесниками, ни со светским обществом, как Лаврецкий в «Дворянском гнезде» И.С. Тургенева. Анализируя образы героев сороковых годов у Тургенева, Д.Н. Овсянко-Куликовский находит своеобразные полюса в их изображении в двух указанных романах: «Рисуя Лаврецкого, Тургенев видимо старается обойти и Гегеля, и всякую «доктрину», и кружковые споры, и беспредметные восторги, и всё, что так ярко изображено в «Рудине»» [11, с. 190]. Павел Вихров, конечно, намного ближе к Лаврецкому, он уже не эстет и «малодействующий плод» (таким изображён в романе Писемского его двоюродный дядя Имплев), но человек, свободный от влияния различных кружков, а при этом почти славянофил. Писемский воспользовался в романе схемой, которую отверг Тургенев: он ввёл Вихрова-студента в студенческие кружки и потом вывел его оттуда «славянофилом или, по крайней мере, идеалистом, склоняющимся к национализму и славянофильской идее» [11, с. 191].

Дело ещё и в том, что задача у Писемского была другая – изобразить не тип человека, но людей на своих местах: стоит только в романе «Люди сороковых годов» сделать акцент на лексеме «люди», чтобы понять, что

задача автора заключалась в изображении конкретных личностей, в объяснении читателю того, что качество и честность любой власти определяется тем, какие люди – какого воспитания, ума и сердечных качеств – занимают те или определённые должности. Человек сороковых годов для Писемского – это, прежде всего, самодостаточная личность, сознательно выбирающая свой путь, сохраняющая накопленные поколением духовные богатства.

В советское время в литературоведении в отношении романа «Люди сороковых годов» на первый план выходила точка зрения, созвучная высказанной Шелгуновым. М.П. Еремин назвал фигуры Писемского «сочинёнными», «художественно неубедительными»: «Как только Писемский подходил к тому пункту их жизни, где должна была проявиться их «идейность», он как бы утрачивал и свою наблюдательность и умение обставить повествование впечатляющими деталями» [12, с. 42]. Исследователь писал, что у Писемского в романе появилась «идея, идущая вразрез с основным направлением жизни». Идеология критиков и исследователей мешала правильному восприятию романа, в котором они не усматривали важнейших проблем: ответственности человека за свои поступки, возможности совмещения личной жизни, искреннего сердечного бытия с государственной службой в современном Писемскому обществе. Исследователи не раз отказывали роману «Люди сороковых годов» в композиционной целостности, замечали, что повествование строится лишь на любовном сюжете, усматривали слабость героя в том, что он не деятель, а наблюдатель. Идеологов революции и нового строя возмущала фигура искреннего человека, пытающегося построить своё личное человеческое счастье, говорящего публично правду, но при этом сторонящегося государственной службы.

Поразительнее же всего то, что и редакция журнала «Заря», в частности один из основных сотрудников журнала Н.Н. Страхов, изменила своё отношение к роману Писемского. Причины этого изменения, которое очень хорошо можно проследить в письмах Страхова к Ф.М. Достоевскому, кроются в том числе в редакционных делах и перипетиях журнала. 24 ноября 1868 г., ещё в пред-

дверии открытия журнала, Страхов с восторгом пишет о романе Писемского: «В эти дни мы все слушаем роман Писемского: Люди сороковых годов, главную нашу вещь по беллетристике. Написано со всеми достоинствами и недостатками Писемского. Как целое слабо по идее и по выполнению, но по частям прекрасно и занимательно» [13]. Примечательно, что оценить целое романа Страхов в это время ещё и не мог. А уже в марте 1869 г. у редакции журнала «Заря» появились значительные финансовые трудности, с которыми владельцу журнала В.В. Кашпиреву справиться было нелегко. Надежды на то, что подписка будет идти живее, оправдывались плохо и далее. В письме от 23 ноября 1870 г. Страхов просит Достоевского прислать что-либо для журнала и даже надеется получить от автора заглавие будущего произведения, а при этом достаточно резко замечает о Писемском и Ключникове: «Остаётся манить публику обещаниями. <...> Можно бы обещать Писемского и Ключникова, но, право, это едва ли привлечёт и чуть ли не испугает. Осрамились они в 1869 году, и повредили таки «Заре» [13]. Скорее всего, эта оценка была несколько приукрашена Страховым, чтобы привлечь Достоевского в журнал, при этом на Писемского были переброшены общие неудачи издания. Примечательно, что 22 февраля 1871 г. Страхов писал о неудачах журнала, принимая часть вины уже на самого себя: «Скажу одно – публика очевидно не сочувствует Заре; журнал сразу попал в дурную славу, сразу стал непопулярным, претящим общему вкусу. Если бы он имел блестящие внешние достоинства, был полон, разнообразен, выходил аккуратно – то можно было бы поправить дело. Но в Заре все соединилось для неудачи, а в том числе, пожалуй, и я» [13]. Общей причиной всего было ухудшающееся материальное положение редакции и резкая и агрессивная полемика, которая велась по отношению к журналу противниками из демократического лагеря.

«Заря» была славянофильским журналом, отыскивающим противовесы западным веяниям и в ряде вопросов даже приближающимся к консервативному «Русскому Вестнику». Но, в отличие от М.Н. Каткова, имевшего значительные связи на уровне вла-

стных кругов и высшего света, В.В. Кашпирев большими знакомствами не обладал, а привлечённый им для помощи Н.Н. Страхов, являясь талантливым критиком, не оказался отличным организатором и распорядителем. Ограниченность во времени и деньгах, необходимость кропотливой работы и систематического финансового пополнения издания привела к тому, что журнал просуществовал всего три года. У «Зари» была своя концепция, в которую роман «Люди сороковых годов» в целом вписывался, хотя Писемский, продолжавший работу над произведением, сам во многом ориентировался на установки журнала. Можно предположить, что отчасти под влиянием В.В. Кашпирева и Н.Н. Страхова, а также статей, опубликованных в номерах журнала за 1869 г., Писемским были включены в роман сцены и рассуждения, передающие суть народной жизни, представления об особой хоровой форме русского государства, высказанные его главным героем.

К сожалению, черновые материалы романа и авторский экземпляр окончательной его редакции погибли в 1918 г. при пожаре в издательстве М.О. Вольфа. Текст корректур и готовых сборников просматривался самим Писемским, публикация в «Заре» считается первоисточником, и у исследователей нет возможности сопоставить редакции и черновые материалы с окончательным текстом (это сопоставление, разумеется, могло бы прояснить движение мысли автора и степень влияния на него других материалов, публиковавшихся в журнале «Заря»). Однако, как можно судить по посланию Писемского Страхову от 27 февраля 1869 г. (это самое начало 1869 г., то есть работа Писемского над романом была в разгаре, в первой книжке журнала «Заря» появилось ещё только начало произведения), писатель пытался встроить «Людей сороковых годов» в концепцию издания и согласовать его с одной из больших программных работ – публикуемой в ряде номеров журнала статей В.Я. Данилевского «Россия и Европа»: «Обращаюсь к Вам с превеликою моей просьбою: я в романе моём теперь дошёл до того, чтобы группировать и поименовывать перед читателем те положительные и хорошие стороны Русского Человека, которые я в массе фактов разбросал по всему роману, о том же или почти о

том же самом придётся говорить и Данилевскому, как это можно судить по ходу-то статей. Вы, кажется, знаете их содержание: не можете ли вы хоть вкратце намекнуть мне о тех идеалах, которые, он полагает, живут в Русском народе, и о тех нравственных силах, которые, по преимуществу, хранятся в Русском Народе, чтобы нам поспеться на этот предмет и дружнее ударить для выражения направления вашего журнала. Вообще статьи Г-на Данилевского производят в мыслящих кружках здесь большое впечатление: об них говорят, спорят, соглашаются с ними и не соглашаются!.. Будьте столько добры – почтите меня вашим ответом и дайте мне возможность поясне послужить направлению Зари» [2, с. 234].

Процитированное выше письмо рождает поводы и для упрёка Писемского в некоторой несамостоятельности, в скудости его размышлений о русском человеке, однако это представление ошибочное. Для рассуждений по поводу диалектики личного и общего требовался объективный взгляд на окружающее, русскую жизнь. Скорее всего, Писемскому требовалась своеобразная моральная и духовная поддержка славянофилов именно для создания эпического романа, для того, чтобы не «скатиться» в изображаемом им широком художественном мире до пессимизма «Взбаламученного моря».

Герой Писемского в одиночестве, может быть, и не выдержал бы падающих на него ударов судьбы, сломался, как ломаются от тяжести непосильных бед и проблем обыкновенные люди. Но, обращаясь к Страхову и «Заре», писатель искал для Павла Вихрова поддержку в вере, в опоре на русский народ, в ощущении героем себя частью большого русского мира.

Уже в самом финале романа, в его пятой части, в гостиной Мари Вихров находит двух своих старых знакомых – Абреева и Плавина, занимающих большие посты, сделавших карьеру, немало проработавших на руководящих должностях. В общем разговоре о русской жизни, народе и власти раздаются различные мнения, причём Писемский не только показывает слабости и промахи сообрававшихся чиновников, но и сочувствует им, поскольку в целом оба приятеля Вихрова –

неплохие принципиальные люди, к тому же неравнодушные.

Писемский мастерски выстраивает реплики персонажей, представляя различные точки зрения героев, уже прошедших большую школу жизни, высказывающих собственные мнения и остающихся при них, несмотря на возражения оппонентов. Так, ещё до прихода Плавина Абреев говорит о своём собственном губернаторстве, начало которого пришлось на время прихода на государственную службу множества честных и просвещённых людей, количество которых, по словам героя, значительно уменьшилось в последнее время. Рассказывая о неудачах и подлом поведении помощника, Абреев приходит к одному из ключевых для всего романа, но крайнему выводу: «Я всю жизнь буду служить моему государю и ни одной минуты русскому обществу» [1, т. 5, с. 464]. Скорее всего, сам Писемский, как и его автобиографический герой Вихров, согласился бы только с первой частью этого суждения, о службе государю. Конечно, под обществом Абреев разумеет не русский народ, а чиновников и все виды власти, кроме власти государя, тем не менее, его высказывание, как и его суждение о положении во вверенной ему губернии, субъективно. Точно так же, к примеру, Абреев лишь на основании собственных предположений, без выяснения обстоятельств и учета статистики, пересылает отчёт о состоянии губернии, объявляя, что «помещики до крайности обеднели, мужики все переделались и спились, и хлебопашество упало» [1, т. 5, с. 465]. Вступивший в спор Плавин всю жизнь служит именно государю, но при этом привыкший жить роскошно и добившийся многого благодаря внешней правильности, он считает, что важнейшая обязанность гражданина, а тем более чиновника – служение обществу, под которым понимает прежде всего народ. Одно из ключевых мест в диалоге аристократа Абреева и демократа Плавина приходится на разговор об общине, введённый Писемским в роман в том числе и с целью угодить славянофильской редакции журнала «Заря». В то время как либерал Абреев считает общину навязанной народу, Плавин её своеобразно «отстаивает»: «Общину выдумали, во-первых, не в Петербурге, ... а скорей в Москве; но и там её не выдума-

ли, потому что она долгое время существовала у нашего народа, была им любима и охраняема» [1, т. 5, с. 467].

Наконец, оставаясь наедине с любимой женщиной, не сдерживая более размышлений, Вихров высказывает свою теорию хорошего государства, подчёркивая при этом, что позиции Абреева и Вихрова – две крайности. «Мы строим наше государство медленно, но из хорошего материала; удерживаем только настоящее, и всё ложное и фальшивое выкидываем. ...Сколько вот я ни ездил по России и ни прислушивался к коренным и любимым понятиям народа, по моему мнению, в ней не должно быть никакого деления на сословия – и она должна быть, если можно так выразиться, по преимуществу государством хорошим, где каждый пел бы во весь свой полный, естественный голос...» [1, т. 5, с. 470]. Далее Вихров замечает Мари, что и на государственное устройство он переносит эту систему. По мнению героя Писемского, яркими личностями, привлекающими внимание других людей, могут быть только цари как помазанники Божии, но власть рядового человека или власть партии Вихров ставит под сомнение. Не случайны слова героя, резко разделяющего Запад и Россию (тут, конечно, чувствуется и ориентация на труд В.Я. Данилевского): если на западе идеал правителя определяется силой, то у нас – справедливостью: «У нас же, напротив, наш любимый князь – князь ласковый, к которому потому и сошлись все богатыри земли русской, – князь в совете мудрый, на суде правый» [1, т. 5, с. 470].

Всем романом Писемский пытается показать, что власть над людьми ставит человека в сложные и противоестественные для него условия, не случайно Вихров сначала долго отпирается от службы, а после назначения его чиновником с трудом переносит поручаемую ему работу, выполняя её честно и по-человечески, но при этом напрягая все силы личности, чтобы противостоять абсурду и инерции чиновничьей системы.

Рассуждения Писемского о государстве, власти, народе и личности в романе созвучны не только многим положениям труда В.Я. Данилевского «Россия и Европа», теорией культурно-исторических типов которого Писемский очень заинтересовался, но, к примеру, и выводам А.Д. Градовского. В

мартовском и апрельском номерах журнала «Заря» за 1869 г. вышел обзор А.Д. Градовского «Политические теории XIX века», в котором юрист и философ немалое внимание уделяет основным положениям работ Б. Констан, а также спорит с ним. В первую очередь, примечательно уже само обращение Градовского на страницах «Зари» к понятию свободы личности, рассматриваемому Константином, проблеме регламентации государством прав и свобод человека, свободы личной и политической. Градовский возражает Констану преимущественно по поводу вопроса религиозной свободы, который кажется ему слишком вольно и пространно истолкованным у Констан, а также в связи с тем, что Константин не учитывает культурно-исторической специфики разных стран. Градовский отстаивает право государства на охранение признанных религиозных догматов. Но ключевая идея, которую подхватывает и Градовский, а за ним во многом и Писемский в своём романе, связана с проблемой уважения личности и правильного построения государства на основе соблюдения интересов всех его граждан.

В художественном мире романа Писемского об уважении к человеку вспоминают только единицы – отдельные люди сороковых годов, которых отнюдь не время и дата рождения сделали такими. Начальство, получающее неограниченную власть над подчинёнными, как констатирует Вихров, издевается над ними и над всем народом: «...Не я тут один так страдаю, а сотни и тысячи подчинённых, которыми начальство распоряжается чисто для своей потехи. ...Тираны забавляются своими жертвами, как некогда татары обращались с нами в Золотой Орде, так и мы обращаемся до сих пор с подчинёнными нашими!..» [1, т. 5, с. 341].

Нарисованная Вихровым модель из хора голосов очень созвучна рассуждениям Градовского о национальном государстве, законы которого появляются не путём бездумного заимствования, но складываются исторически в ходе анализа и обобщения нравственных предписаний. «Государство в теории А.Д. Градовского предстаёт в качестве организующего начала, аккумулирующего многообразие интересов различных общественных элементов и социальных групп в идею

общего блага» [14, с. 122]. Градовский определил новый тип государства – «всесословно-общественный», основанный на народности. Учёному, кстати, принадлежит и одна из ярких и стройных теорий диалектического, непротиворечивого сочетания интересов человека и общества, власти, которая, по всей видимости, учитывалась Писемским при создании романа. Значительное количество работ Градовского вышли в свет уже после 1869 г., то есть после публикации романа Писемского, однако в 1868 г. был опубликован очерк Градовского «Государственный строй Древней России». В нем учёный, опираясь на исторические данные становления государственности в России (немало исторических примеров слышит читатель и из уст Вихрова), много рассуждает о местном самоуправлении, региональной власти, о слабости политических споров в России, редко поднимающихся на высоту научных положений.

Свои размышления Градовский продолжил в работе «Государство и провинция» 1869 г., в которой ставится вопрос о необходимости сильной централизованной власти, о совместной работе государственных и общественных организаций, во избежание ухищрений и несообразностей: «Сообщение самостоятельности правительственным органам в местности необходимо предполагает организацию общественных сил как противовес этой самостоятельности, противовес, без которого она легко может вырождаться в произвол» [15]. Вся деятельность отправленного на службу в губернию Вихрова и поддерживающих его братьев Захаревских, борющихся с самоуправством губернатора, позволяют читателю романа Писемского наглядно оценить указанный Градовским произвол власти.

Для «Зари» в целом был характерен историзм, почти все учёные, публиковавшие статьи на страницах журнала, отталкивались от особенностей становления и развития народной культуры и государственности. И Писемский в этом направлении также шёл за редакцией журнала: его герой Вихров по мере продвижения по жизни всё более задумывается над особенным путём России.

Уже после выхода романа Писемского, в июньском номере «Зари» за 1870 г., была опубликована статья Б. Богишича «О научной разработке истории славянского права»

по результатам прочитанной им лекции, также ставшая во многом программной для журнала [16]. К сожалению, работа известного юриста, считающегося сейчас одним из основателей социологии права, не принесла «Заре» много подписчиков и большого внимания, да и сам Богишич, приглашённый на работу в Россию, не проработал и трёх лет в Новороссийском университете – его взгляды считались недостаточно прогрессивными, Богишич был вынужден уйти фактически из-за студенческих волнений.

Богишич считал себя последователем Савиньи, был сторонником исторической школы права. Однако при этом призывал не довольствоваться внешними историческими фактами, как это обыкновенно делает история римского права, а исследовать духовную взаимозависимость совокупного развития права. Основная проблема, поднятая им в работе, опубликованной на страницах «Зари», была связана со своевременностью, разумностью и уместностью законов, принимаемых в государстве. Богишич на ряде примеров показал опасность законов, спускаемых сверху, но не учитывающих положение народа: «...закон, особенно издаваемый *ab alto*, имеет обыкновенно в виду: не утвердить живущее в народе право, но ввести вместо него новое. Законодательство, которое не обращает внимания на общебытовое положение народа, становится часто в противоречие с целой народной жизнью» [16, с. 52]. Программным ходом был для «Зари» и пункт расхождения Богишича с Савиньи, связанный с пренебрежением юристами и чиновниками народным мнением. Согласно Богишичу, юристы не могут представлять собой народ или народное сознание, которое, как показал своим романом Писемский, складывается из воли и устремлений всех людей.

В юности непримиримый Вихров был намерен как-то бороться с самоуправством чиновников, на что услышал мудрый совет учителя: «Тебя же сошлют на каторгу, а на место того вора пришлют другого, ещё вористее» [1, т. 4, с. 76]. По иронии судьбы за написанные сочинения Вихрова ссылают в одну из губерний на службу без выплаты жалованья, так как у самого Павла есть доход. И то, что Вихров знал со стороны, он теперь в полной мере ощущает на себе: служба сле-

дователем и исполнение ряда тяжёлых поручений приводят его не только к физической и душевной усталости, но к разочарованию в людях: «Уехать со всякого следствия в дорогу было для него всегда величайшим наслаждением. После всех гадостей и мерзостей, которые обыкновенно обнаруживались при каждом почти исследовании деяний человеческих, он видел тихий, мирный лес, цветущие луга, желтеющие нивы, – о, как тогда казалась ему природа лучше людей!» [1, т. 5, с. 288].

Служба Вихрова описывается Писемским с использованием собственных впечатлений. Как отмечают биографы Писемского, в частности, Н.Н. Виноградов, обратившийся к материалам архива Костромского губернского правления, Писемскому «лично пришлось провести несколько дел по преследованию старообрядцев и уничтожению их моленных» [17, с. 2]. Н.Н. Виноградов сопоставляет материалы дела, представляющие официальную версию уничтожения старообрядческой церкви, и соответствующие главы из романа «Люди сороковых годов», приходя к важному и ценному выводу. «9 июня 1850 г. моленная была уничтожена, причём ничего особенного, никаких случайностей, тем более неблагоприятных, не произошло, иначе каждая мелочь была бы отмечена в рапорте...» [17, с. 12]. «По роману видно, даже это как бы намеренно подчёркивается, что Вихров едет на ответственное и довольно рискованное дело в одиночку... Из дела же видно, что А.Ф. Писемский ехал в село Урень вместе с другими чинами администрации, которых в данном случае было даже больше, чем это обыкновенно бывало...». «Автор в романе отмечает чрезвычайную мягкость, гуманность, которую проявлял в этом деле Вихров; <...> Ничего подобного, конечно, не мог делать в качестве официального лица, командированного для уничтожения старообрядческой моленной, А.Ф. Писемский. Прежде всего, как чиновник, служивший по необходимости, из-за жалованья, он не мог рисковать службой и всей своей будущей судьбой, отменяя собственной властью Высочайшее повеление о закрытии раскольнической часовни» [17, с. 18-19].

В свете всех рассуждений в романе о тяготе власти Писемский подравнивает пове-

дение своего героя, допускающего в отличие от самого автора много вольностей в исполнении приказаний, вынужденного чётко следовать не просто букве закона, но и установленным правилам следствия. Вихров сторонится власти и её применения по отношению к людям, старается поступить по-человечески: Писемский на многочисленных примерах показывает, что честная служба в России практически невозможна, что чиновник вынужден поступать вразрез со своей совестью. Вот что пишет Вихров в одном из посланий Мари: «Знаете ли Вы, что, может быть, нет более трагического положения, как положение человека, который бы у нас в России вздумал честно служить. Трудно вообразить себе — до какой деморализации

дошло у нас так называемое чиновничество. На целый губернский город выищется не более двух–трёх сносно честных людей, за которых, вероятно, Бог и терпит сей град на земле, но которых, тем не менее, всё-таки со временем съедят и выживут» [1, т. 5, с. 295].

Помимо того, что убеждения Вихрова были приближены автором к программным положениям журнала «Заря», Писемский, вероятнее всего, подравнивал в романе и собственные переживания и воспоминания. Нельзя исключать, что замысел романа, описанный Краевскому в 1851 г., уже тогда был связан с попыткой писателя переосмыслить и пережить заново в воображении многие события своей службы в Костромской губернии.

Список литературы

1. Писемский А.Ф. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 4, 5. Люди сороковых годов. М.: Правда, 1959.
2. Писемский А.Ф. Письма. Москва; Ленинград: Академия наук, 1936. 976 с.
3. Звягина С.В. Роль реминисцентного контекста в романе А.Ф. Писемского «Люди сороковых годов» // Фундаментальные исследования. 2014. № 5-5. С. 1108-1113.
4. Андреева В.Г. «Взбаламученное море» А.Ф. Писемского и «Дым» И.С. Тургенева: типологические связи и художественные переклички // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2013. № 5. С. 121-125.
5. Анненков П.В. Художник и простой человек (Из воспоминаний об А.Ф. Писемском). URL: <http://pisemskiy.lit-info.ru/pisemskiy/biografiya/annikov-hudozhnik/glava-i.htm> (дата обращения: 12.05.2021).
6. Андреева В.Г. О национальном своеобразии русского романа второй половины XIX века. Кострома: КГУ, 2016. 492 с.
7. Писемский А.Ф. Сочинения Н.В. Гоголя, найденные после его смерти. Похождения Чичикова, или «Мёртвые души». Часть вторая. URL: http://az.lib.ru/p/pisemskij_a/text_0510.shtml (дата обращения: 12.05.2021).
8. Синякова Л.Н. Художественно-антропологические искания Н.В. Гоголя и обыкновенный человек А.Ф. Писемского: эпопейный образ мира («Мёртвые души» и «Взбаламученное море») // Сибирский филологический журнал. 2010. № 4. С. 47-52.
9. Шелгунов Н.В. Люди сороковых и шестидесятых годов. URL: http://az.lib.ru/s/shelgunow_n_w/text_1869_ludi_sorokovyh.shtml (дата обращения: 12.05.2021).
10. Швецова Т.В., Земляникин А.П. Проблема создания когнитивной модели поступка литературного героя (на материале романа А.Ф. Писемского «Люди сороковых годов») // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 53-60.
11. Овсянко-Куликовский Д.Н. История русской интеллигенции. Ч. 1. М.: Типо-литография Русского т-ва, 1907. 200 с.
12. Еремин М.П. Выдающийся реалист // Писемский А.Ф. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 1. М.: Правда, 1959. С. 3-52.
13. Страхов Н.Н. Письма к Ф.М. Достоевскому. URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1874_pisma_dostoevskomu.shtml (дата обращения: 12.05.2021).
14. Грязнова Т.Е. Концепция национального прогрессивного государства А.Д. Градовского // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 343. С. 120-124.
15. Градовский А.Д. Государство и провинция. URL: http://az.lib.ru/g/gradowskij_a_d/text_1869_gosudarstvo_i_provincia.shtml (дата обращения: 12.05.2021).
16. Богишич Б. О научной разработке истории славянского права // Заря. 1870. Июнь. С. 41-67.
17. Виноградов Н.Н. Алексей Феофилактович Писемский. Материалы к его биографии и выяснения процесса творчества. Пг.: Тип. Императорской академии наук, 1917. 30 с.

References

1. Pisemskiy A.F. *Sobraniye sochineniy: v 9 t. T. 4, 5. Lyudi sorokovykh godov* [Collected Works: in 9 vols. Vol. 4, 5. Men of the Forties]. Moscow, Pravda Publ., 1959. (In Russian).
2. Pisemskiy A.F. *Pis'ma* [Letters]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk Publ., 1936, 976 p. (In Russian).
3. Zvyagina S.V. Rol' reminiscentnogo konteksta v romane A.F. Pisemskogo «Lyudi sorokovykh godov» [The role of reminiscence context in A.F. Pisemsky's novel "Men of the Forties"]. *Fundamental'nyye issledovaniya – Fundamental Research*, 2014, no. 5-5, pp. 1108-1113. (In Russian).
4. Andreyeva V.G. «Vzbalamuchennoye more» A.F. Pisemskogo i «Dym» I.S. Turgeneva: tipologicheskiye svyazi i khudozhestvennyye pereklichki [“Troubled Seas” by Aleksey Pisemsky and “Smoke” by Ivan Turgenev: typological connections and artistic consonances]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova – Vestnik of Kostroma State University*, 2013, no. 5, pp. 121-125. (In Russian).
5. Annenkov P.V. Khudozhnik i prostoy chelovek (Iz vospominaniy ob A.F. Pisemskom) [The Artist and the Common Man (From the memoirs of A.F. Pisemsky)]. (In Russian). Available at: <http://pisemskiy.lit-info.ru/pisemskiy/biografiya/annenko-hudozhnik/glava-i.htm> (accessed 12.05.2021).
6. Andreyeva V.G. *O natsional'nom svoeyebrazii russkogo romana vtoroy poloviny XIX veka* [On the National Identity of the Russian Novel of the Second Half of the 19th century]. Kostroma, KGU Publ., 2016, 492 p. (In Russian).
7. Pisemskiy A.F. Sochineniya N.V. Gogolya, naydennyye posle ego smerti. *Pokhozhdeniya Chichikova, ili «Mertvyye dushi». Chast' vtoraya* [The Works of N.V. Gogol, Found after His Death. Adventures of Chichikov, or “Dead Souls”. Part Two]. (In Russian). Available at: http://az.lib.ru/p/pisemskij_a/text_0510.shtml (accessed 12.05.2021).
8. Sinyakova L.N. Khudozhestvenno-antropologicheskiye iskaniya N.V. Gogolya i obyknovennyy chelovek A.F. Pisemskogo: epopeynyy obraz mira («Mertvyye dushi» i «Vzbalamuchennoye more») [Gogol's literary anthropology and Pisemsky's “Ordinary Man”: an epical image of the world (“Dead Souls” and “Troubled Sea”)]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2010, no. 4, pp. 47-52. (In Russian).
9. Shelgunov N.V. *Lyudi sorokovykh i shestidesyatykh godov* [Men of the Forties and Sixties]. (In Russian). Available at: http://az.lib.ru/s/shelgunow_n_w/text_1869_ludi_sorokovykh.shtml (accessed 12.05.2021).
10. Shvetsova T.V., Zemlyanikin A.P. Problema sozdaniya kognitivnoy modeli postupka literaturnogo geroya (na materiale romana A.F. Pisemskogo «Lyudi sorokovykh godov») [The problem of creating a cognitive model of the act of a literary hero (based on A.F. Pisemsky's novel “Men of the Forties”)]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik – Verkhnevolzhskii Philological Bulletin*, 2020, no. 3 (22), pp. 53-60. (In Russian).
11. Ovsyaniko-Kulikovskiy D.N. *Istoriya russkoy intelligentsii. Ch. I* [History of the Russian Intelligentsia. Pt 1]. Moscow, Typo-litografiya Russkogo tovarishchestva Publ., 1907, 200 p. (In Russian).
12. Eremin M. P. Vydayushchiysya realist [Outstanding realist]. In: Pisemskiy A.F. *Sobranie sochinenii: v 9 t. T. 1* [Collected Works: in 9 vols. Vol. 1]. Moscow, Pravda Publ., 1959, pp. 3-52. (In Russian).
13. Strakhov N.N. *Pis'ma k F.M. Dostoyevskomu* [Letters to F.M. Dostoevsky]. (In Russian). Available at: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1874_pisma_dostoyevskomu.shtml (accessed 12.05.2021).
14. Gryaznova T.E. Kontseptsiya natsional'nogo progressivnogo gosudarstva A.D. Gradovskogo [A.D. Gradovskiy's concept of a national progressive state]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2011, no. 343, pp. 120-124. (In Russian).
15. Gradovskiy A.D. *Gosudarstvo i provintsiya* [State and Province]. (In Russian). Available at: http://az.lib.ru/g/gradovskij_a_d/text_1869_gosudarstvo_i_provincia.shtml (accessed 12.05.2021).
16. Bogishich B. O nauchnoy razrabotke istorii slavyanskogo prava [On the scientific development of the history of Slavic law]. *Zarya* [Dawn], 1870, June, pp. 41-67. (In Russian).
17. Vinogradov N.N. *Aleksey Feofilaktovich Pisemskiy. Materialy k ego biografii i vyasneniya protsessa tvorchestva* [Alexey Feofilaktovich Pisemsky. Materials for His Biography and Clarification of the Creative Process]. Petrograd, The Imperial Academy of Sciences Typography, 1917, 30 p. (In Russian).

Информация об авторе

Андреева Валерия Геннадьевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация; профессор кафедры Отечественной филологии, Костромской государственной университет, г. Кострома, Российская Федерация, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Вклад в статью: общая концепция статьи, работа с литературными источниками, анализ художественных текстов, написание текста статьи.

Статья поступила в редакцию 06.07.2021
Одобрена после рецензирования и доработки
28.08.2021
Принята к публикации 02.09.2021

Information about the author

Valeria G. Andreeva, Doctor of Philology, Leading Research Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Professor of Domestic Philology Department, Kostroma State University, Kostrom, Russian Federation, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Contribution: main study conception, work with literature references, literary texts analysis, manuscript text drafting.

The article was submitted 06.07.2021
Approved after reviewing and revision 28.08.2021
Accepted for publication 02.09.2021